

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ТЮТЧЕВА И К ТЮТЧЕВУ

Сообщения П. Кириллова, Е. Павловой и Д. Шаховского

I. ПИСЬМА Ф. И. ТЮТЧЕВА: П. В. АННЕНКОВУ, М. И. ЖИХАРЕВУ, А. С. МЕНШИКОВУ, НЕИЗВЕСТНОМУ, А. В. ПЛЕТНЕВОЙ, Я. П. ПОЛОНСКОМУ, С. С. УВАРОВУ и П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ.

II. ПИСЬМА к Ф. И. ТЮТЧЕВУ: И. С. АКСАКОВА, П. А. ВАЛУЕВА, П. М. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОГО, А. К. ТОЛСТОГО, И. С. ТУРГЕНЕВА и П. Я. ЧААДАЕВА.

Эпистолярное наследие Тютчева довольно велико, но в высшей степени неравноценно. На ряду с материалами безусловно интересными и значительными, оно содержит не мало писем и записочек, совершенно ничтожного содержания, вроде приглашений на обед, тех или иных проявлений светской любезности и т. д., любопытных только тем, что они определяют круг и характер знакомств Тютчева в разных слоях общества или позволяют уточнить те или иные даты его биографии.

Круг адресатов Тютчева весьма разнообразен. Среди них встречаются лица официальные, к которым Тютчев обращался в разных случаях по вопросам делового характера, служебные знакомые, светские приятели и приятельницы, представители науки и литературы, с которыми Тютчев быстро сблизился после своего окончательного возвращения в Россию, близкие и родные и т. д.

Настоящая публикация как раз и интересна тем, что она показывает все это многообразие тютчевских адресатов. Из помещаемых ниже писем № 1—2, 4 и 7—9 хранятся в архиве Института Русской Литературы Академии Наук СССР, № 3 — в архиве Государственного Исторического Музея, № 5 — в рукописном отделении Публичной Библиотеки им. Ленина, № 6 — в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Все письма Тютчева прокомментированы Е. Павловой за исключением № 3 и 5—9, которые прокомментированы П. Кирилловым.

Если письма самого Тютчева стараниями его адресатов или друзей сбереглись в значительном количестве, нельзя, к сожалению, сказать того же о письмах различных его корреспондентов. Произошло это конечно не оттого, что они были немногочисленны; такое предположение исcludes обширностью круга знакомств Тютчева и большим количеством его собственных писем. Объясняется это скорее всего небрежностью Тютчева и его нелюбовью ко всякого рода исписанной бумаге, отслужившей свою службу. «Мне противен вид старой исписанной бумаги, особенно исписанной мною. Это так пахнет гнилью, что делается душно» — говорил Тютчев. Легко допустить поэтому, что, прочтя обращенные к нему строки, Тютчев, если не тут же уничтожал их, то бросал их куда попало и они, естественно, затеривались, если только чья-нибудь заботливая рука не принимала своевременных мер к их сохранению; а так как последнее случалось повидимому не часто, то до нас дошло самое ничтожное количество обращенных к Тютчеву писем; тем большую ценность приобретает для нас каждое из таких писем.

Печатаемые ниже письма разных лиц к Тютчеву хранятся в Институте Русской Литературы Академии Наук, № 1—2 — в копиях рукою М. И. Жихарева, остальные — в оригиналах. № 1—2 прокомментированы Д. Шаховским, остальные — Е. Павловой.

I. ПИСЬМА Ф. И. ТЮТЧЕВА

1. К НЕИЗВЕСТНОМУ.

Милостивый Государь, вот в немногих словах теперешнее положение молодого Петерсона¹, о котором я имел честь говорить с вами сегодня утром. В продолжение нескольких месяцев этот молодой человек находится в состоянии очень сильного умственного возбуждения. С ухудшением за последнее время этого душевного состояния была произведена попытка поместить его в психиатрическую больницу, чтобы предохранить его от опасности, какую могло бы иметь для него пребывание на полной свободе. Посетившие его в этом учреждении врачи, после установления природы его болезни, признали, во всяком случае, что род безумия, которым он был поражен, не носил характера настолько серьезного, чтобы сделать изоляцию необходимой, и что отныне, далекая до того, чтобы быть для него благоприятной, она могла бы только ухудшить его состояние, усиливая до крайности раздражение больного. С другой стороны, следовало бы не раз еще подумать, прежде чем вернуть ему полную и всецелую свободу действий, в особенности в Петербурге, где было бы труднее, чем где-либо, иметь над ним достаточно бдительный надзор.

Тогда мы подумали, что самое лучшее, что можно было сделать в данном положении, это — препроводить его в Ригу, где он мог бы быть поручен попечению своего дяди, графа Ботмера², живущего в окрестностях этого города, так же как и заботам своего опекуна господина Гея. У них он нашел бы то, что было бы так трудно предоставить ему здесь, то-есть: достаточную свободу, соединенную с постоянным надзором, — двойное условие, полагаемое равно необходимым врачами того учреждения, в котором находится больной.

Вследствие этого я беру на себя, милостивый государь, смелость обратиться к испытанной благожелательности вашего превосходительства, чтобы просить вашего благосклонного ходатайства перед государем великим князем наследником о получении для молодого Петерсона такого отпуска, какого требует его печальное положение. Не смею ничего уточнять на этот счет, но не могу не выразить пожелания, чтобы отпуск, который я для него испрашиваю, предоставив ему достаточно продолжительное время, необходимое для его выздоровления, не был такого рода, чтобы мог повредить его служебному будущему. Более того: поскольку в том состоянии здоровья, в котором он находится, было бы невозможно позволить ему совершить совершенно одному путешествие из Петербурга в Ригу, было бы очень желательно, чтобы его младший брат³, как и он — морской офицер, получил бы разрешение сопровождать его до конца его путешествия.

Не скрою от вас, милостивый государь, что по мнению врачей состояние больного требует, чтобы отъезд его мог совершиться как можно скорее.

С доверием отдаю все это дело в руки вашего превосходительства, уверенный к тому же, — как и имею к тому все основания, — что положение, столь печальное, как то, о котором я вам только что рассказал, имеет законные права на столь великодушное и всегда такое отзывчивое участие его императорского высочества.

Примите, милостивый государь, искреннейшее уверение в моем высоком уважении и полной преданности.

Ф. Тютчев

Подлинник (рукою Э. Ф. Тютчевой; самому Тютчеву принадлежит только подпись) по-французски.

Адресовано очевидно одному из приближенных к будущему Александру II, в то время — наследнику, лиц, точно определить которое не беремся. Возможно, что это правитель канцелярии наследника генерал С. А. Юрьев, возможно — кто-нибудь из адъютантов наследника.

¹ Оттон (а по принятии православия — Георгий) Александрович Петерсон (1820—1883) — второй сын Э. Ф. Петерсон-Тютчевой, первой жены поэта. Получил образование в Петербургском Морском корпусе и по окончании его служил морским офицером. Позднее был субинспектором в Петербургском университете. Его психическое заболевание, о котором идет речь в настоящем письме, не раз возвращалось к нему и впоследствии. Петерсон не был лишен некоторого художественного дарования: в Музее им. Тютчева в Муранове сохранилось несколько акварелей его работы. За любезное сообщение некоторых из этих сведений приносим благодарность Н. И. Тютчеву.

² Здесь упоминается повидимому гр. Феликс-Карл Ботмер (1804—1876), брат Э. Ф. Тютчевой.

³ У О. А. Петерсона было два младших брата — Альфред и Александр; о котором именно идет речь здесь — сказать затрудняемся.

2. Н. А. МЕНШИКОВУ¹.

Князь, участие, которое ваша светлость пожелали принять в прискорбном положении молодого Оттона Петерсона, оправдает, я надеюсь, в ваших глазах смелость, которую я беру на себя, обращаясь к вам в интересах этого молодого человека.

Я получил только что известие, что, по прибытии его в Ригу, членами его семьи, находящимися там в сборе, было решено, чтобы больной был отвезен в Прагу с тем, чтобы поместить его там в психиатрическую лечебницу, и что на старшего брата его Карла Петерсона², служащего в настоящее время в нашем данцигском консульстве, будет возложена забота сопроводить его туда. Вследствие этого мне пишут из Риги, чтобы я умолял вашу светлость приказать дать необходимое разрешение на выезд из России молодого Петерсона, и я, князь, не скрою от вас, что было бы важно, чтобы это разрешение было дано ему без промедления, в виду того, что его брат Карл, который должен поехать за ним в Ригу и который является единственным из его семьи лицом, могущим взять на себя эту заботу, располагает только очень ограниченным, по причине своей службы, временем, чтобы заняться этой печальной миссией.

Я не посмел, князь, добиваться любезности особого приема, не имея чести быть лично известным вашей светлости, но то, что я знаю о доброжелательном великодушии вашего характера, в соединении с печальным обстоятельством, объясняющим мое ходатайство перед вами, заставляет меня надеяться, что вы не найдете его нескромным и что вы с добрым расположением примете просьбу, которую я к вам обращаю.

Пребываю, князь, с глубоким уважением вашей светлости нижайший и покорнейший слуга

Ф. Тютчев

С.-Петербург, 16 апреля 1846.

Подлинник по-французски.

¹ Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869) — известный государственный деятель николаевского царствования. С 1828 г. состоял начальником Главного Морского Штаба; непосредственно от него таким образом зависела судьба ходатайства Тютчева за Петерсона, как морского офицера.

Надо думать, что после того, как первое письмо Тютчева было доложено наследнику, оно было направлено к Меншикову; как видно из второго письма Тютчев тогда не был лично знаком с последним, почему вероятно и обратился сначала к лицу ему более знакомому, с которым мог иметь предварительный личный разговор.

² Петерсон, Карл Александрович (1819—1875) — старший брат Оттона. Был русским вице-консулом в Данциге и не раз по поручению родственников отвозил за границу или привозил оттуда своих сестер и братьев; так еще до этого случая, К. А. Петерсон перевез в сентябре 1845 г. из Мюнхена в Петербург своих сестер по матери, тогда малолетних Анну, Дарью и Екатерину Тютчевых («Уrania, Тютчевский альманах. 1803—1928». Л., 1928, стр. 200—202). Оставив дипломатическую службу за границей, К. А. Петерсон был в 70-х годах директором канцелярии при министре иностранных дел, канцлере кн. А. М. Горчакове.

3. Гр. С. С. УВАРОВУ¹

С.-Петербург, 20 августа 1851.

Граф,

Мне редко доводилось братья за перо, чтобы выразить более искренние и более чистосердечные сожаления, чем те, кои я выражаю вам в настоящую минуту... Вы, вероятно, известились через графа Блудова³ об испытанном мною разочаровании, когда недель пять или шесть тому назад, в ту самую минуту, когда я располагал отправиться на поклон к гостеприимным богам Поречья³, я был внезапно вызван в Петербург по якобы служебным надобностям. Эта служба, надо сознаться, — создание воображения, зачастую весьма неразумное⁴. Однако я до сих пор сохранял надежду вернуться в Москву в течение этого месяца и, следовательно, иметь возможность съездить в Поречье, дабы лично принести вам, граф, мои поздравления и пожелания по случаю 25-го⁵. Но сейчас и эта надежда ускользает, и я вынужден отложить на неопределенный срок исполнение намерения, так давно меня пленявшего и занимавшего. Все вести, стороною дошедшие до меня за последнее время об этом приюте, который мне суждено лишь предвкушать, только усилили мои сожаления и укрепили меня во мнении, что на свете нет ничего более насмешливого и более неуслужливого к некоторым лицам, нежели судьба, вопреки ее мнимой безличности.

Возможно, граф, что даже это письмо, коему я препоручаю передать вам изъявление моих сожалений и пожеланий, не застанет вас в Поречьи. Быть может вы поддались нынешней притягательной силе Москвы. Действительно, то, что Москва приблизилась к Петербургу на 15 часов езды, является не только любопытным и интересным фактом, но может по справедливости считаться важным политическим событием⁶. Это достойное завершение и в то же время, необходимое исправление дела Петра Великого... Что до меня, я далеко не разделяю того блаженного доверия, которое питают в настоящие дни ко всем этим чисто материальным способам, чтобы добиться единства и осуществить соглашение и единодушие в политических обществах. Все эти способы ничтожны там, где недостает принципа морального единства, и часто даже они действуют противно смыслу своего естественного назначения. Доказательством может служить то, что происходит сейчас на Западе. По мере того, как расстояния сокращаются, умы все более и более расходятся. И раз люди охвачены этим непримиримым духом раздора и борьбы — уничтожение пространства никоим образом не является услугой делу общего мира, ибо ставит их лицом к лицу друг с другом. Это — все равно, что захотеть успокоить раздражение посредством трения...

Мне сдается, что мы с полным смирением в праве думать, что не то ожидает нас в России, где нам всем предстоит бороться с одним действительным врагом — пространством. Следовательно, мы можем льстить себя надеждой, что по милости этого принципа морального единства, в котором у нас, поистине, нет недостатка, все, что способствует нашему материальному сближению, послужит лишь к укреплению подлинного единства и мощи целого. Достаточно говорили о Русском Колоссе. В конце концов признают, я надеюсь, что это Великан, и Великан хорошо

сложенный...⁷ О скольких вопросах, граф, надеялся я услышать ваше мнение и рассуждения под гостеприимным кровом Поречья... Благодаря вам, я полагаю вполне естественно им воспользоваться. Но мой расчет на любезного хозяина ни к чему не привел⁸. Судьба, менее благосклонная, нежели он, судила иначе... Позвольте мне надеяться, по крайней мере, что будущая зима вознаградит меня за разочарования этого лета. — Благоволите, граф, принять уверение в моем уважении и преданности.

Ф. Тютчев

Подлинник по-французски.

¹ Уваров, Сергей Семенович (1786—1855), с 1846 г. граф, с 1834 по 1849 г. министр народного просвещения, с 1818 г. до своей смерти президент Академии Наук. Создатель реакционной формулы «православие, самодержавие и народность». Уваров был уволен в отставку в связи с усилением правительственной реакции в 1848—1849 гг., так как был признан недостаточно способным для борьбы с «якобинством» в учебных заведениях. Яркую характеристику Уварова дал в своих «Записках» историк С. М. Соловьев: «...Уваров не имел в себе ничего истинно-аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце слугою; он не щадил никаких средств, чтобы угодить барину (императору Николаю I); он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие, народность... Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще умном, поражали однако крайнее самолюбие и тщеславие...» («Записки С. М. Соловьева», 1907, стр. 58—59). Повидимому закреплённая за Уваровым репутация интересного собеседника, тонкого ценителя искусств и высоко образованного человека заставляла Тютчева сожалеть о том, что ему не удалось побывать в Поречье, где, со времени своей отставки, Уваров проводил летние месяцы. По крайней мере у нас нет решительно никаких указаний на то, чтобы Тютчев сочувственно относился к политической деятельности Уварова. Иронический отзыв о «господине Уварове и братии» встречается в одном из писем поэта к кн. И. С. Гагарину; письмо это, относящееся к 1836 г. и до сих пор известное лишь в отрывке, в ближайшее время будет опубликовано полностью. Позднее, в 1846 г., Тютчеву довелось беседовать об Уварове с П. А. Плетневым. «Долго разговаривали о нашем министерстве просвещения и университетах; побранили порядочно Уварова» — писал Плетнев Я. К. Гроту («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, СПб., 1896, стр. 677).

² Блудов, гр. Дмитрий Николаевич (1785—1864), министр юстиции с 1837 по 1859 г., в 1855 г. заменивший Уварова на посту президента Академии Наук. Летом 1851 г. Блудов вместе с М. П. Погодиным гостил у Уварова в его подмосковной (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, СПб., 1897, стр. 499). Тютчев, как известно, находился в приятельских отношениях с Блудовым.

³ Поречье — усадьба Уварова в Можайском уезде, Московской губернии. Там было сосредоточено уваровское собрание древностей. 28 марта 1850 г. Плетнев писал В. А. Жуковскому об Уварове: «...говоря, как будет он доволен своим летним пребыванием в подмосковной своей, прибавил: там нельзя не чувствовать, до какой степени приятно быть богатым» (там же, стр. 46). Научные познания Уварова различно оценивались современниками. Если Сперанский отзывался о нем, как о «первом ученом человеке в России» («Русский Архив» 1870, вып. 6, столб. 1149), то Евгений Болховитinov иронически замечал: «Уварову... не устоять на своем месте; да он его и не стоит, ибо ученый только шарлатан... Во всех государствах случается, что жалуют в чины и не по заслуге; а в одной России жалуют даже и в ум и в знания без ума и знаний» (там же, 1889, кн. II, стр. 368).

⁴ В подлиннике непременная игра слов: «Ce service il faut bien le dire, est un être de raison souvent assez peu raisonnable».

⁵ Тютчев повидимому ошибся или числом или месяцем: 15 августа — день рождения Уварова, 25 сентября — день его имени.

⁶ Тютчев намекает на завершение работ по прокладыванию б. Николаевской железной дороги. Официальное открытие железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвою состоялось 1 ноября 1851 г.

⁷ Это место письма чрезвычайно характерно для общеполитических взглядов Тютчева в период, предшествовавший Крымской кампании.

⁸ В подлиннике непременная игра слов: «... il ne m'a servi du rien de compte avec mon aimable hôte».

4. П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ¹

[1861—1863 гг.?)

Страшно жалко, почтеннейший Петр Карлович, о моей неудаче в отношении к вам. Я жажду вас видеть.—Что же до дела, то, разумеется, вы можете располагать безусловно всем нашим добром. Не посетите ли вы нас, в Комитете², в среду. Это день нашего заседания—от двух до четырех часов. Но я надеюсь видаться с вами прежде и у вас.—Меня же вы всегда можете застать дома часу в 12-ом.

Вам искренно и совершенно преданный
Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Его Превосходительству П. К. Щебальскому».

¹ Петр Карлович Щебальский (1810—1886) — историк, сотрудник «Русского Вестника», «Русского Архива», «Зари» и др. С 1859 г. состоял чиновником особых поручений при министре народного просвещения, когда и написал свою «Историю цензуры в России» и занялся другими историческими разысканиями, печатавшимися в виде статей в разных журналах. Может быть о предоставлении Щебальскому по его просьбе и для этой его работы материалов по иностранной цензуре говорит Тютчев в своем письме. Вероятно Щебальский приезжал к Тютчеву просить об этом, но не застав его дома и оставив ему, можно думать, недошедшую до нас записку, вызвал это ответное письмо.

² В Комитете Цензуры Иностранной, председателем которого был Тютчев с 1858 по 1873 г. См. ниже письма П. А. Валуева к Тютчеву и комментарии к ним, а также сообщение М. Брисмана «К характеристике Тютчева-цензора».

5. М. И. ЖИХАРЕВУ¹

С-Петербург, 30 ноября 1863

Милостивый государь,

от души благодарю вас за драгоценный подарок. Не без умиления узнал я в присланной вами фотографии знакомую, памятную местность—этот скромный ветхий домик, о котором незабвенный жилец его любил повторять кем-то сказанное слово, что весь он только одним духом держится².

И этим то его духом запечатлены и долго держаться будут в памяти друзей все воспоминания, относящиеся к замечательной, благородной личности одного из лучших умов нашего времени³. Еще раз благодарю вас усердно.

С истинным уважением пребываю
вашим покорным слугою
Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Милостивому государю Петру Яковлевичу Чаадаеву от Тютчева».

Подлинник по-французски.

¹ Жихарев, Михаил Иванович (р. 1820—ум. после 1883), двоюродный племянник П. Я. Чаадаева, автор статьи о нем, напечатанной в «Вестнике Европы» (1871, кн. 7 и 9).

² Тютчев благодарит Жихарева за фотографический снимок с картины художника К. П. Бодри, изображающей кабинет П. Я. Чаадаева в его квартире на Новой Басманной. Фотография эта находится в Мурановском Музее. Подлинник хранится в Публичной Библиотеке СССР имени Ленина. В своей статье о Чаадаеве Жихарев пишет следующее о «скромном ветхом домике»: «С течением времени квартира, никогда не бывшая прочно отделанною, очень состарилась; пришедши почти в ветхость, сделалась для житья не совсем удобною, и про нее то пустил в свет Жуковский в то время довольно известную шутку, что она «давным-давно уже держится не на столбах, а одним только духом» («Вестник Европы» 1871, кн. 9, стр. 21).

³ Эти строки лишний раз свидетельствуют о той глубокой симпатии, которую питал Тютчев к столь противоположной ему личности Чаадаева. По свидетельству того же Жихарева «наиболее несогласные [с Чаадаевым] были с ним и наиболее дружными. Решительный его противник Ф. И. Тютчев часто говаривал: *l'homme que je contredis le plus et aussi celui que j'aime le mieux* человек, с которым я согласен менее, чем

с кем бы то ни было, и которого однако я люблю больше всех — П. К.). По словам Аксакова, Чаадаев в свою очередь «не мог не ценить ума и дарования Тютчева, не мог не любить его, не мог не признавать в Тютчеве человека вполне европейского», но он «глубоко огорчался и даже раздражался таким неприличным, непостижимым именно в Тютчеве заблуждением, aberrацией, руссоманией ума, просветившегося знанием и наукою у самого источника света, непосредственно от самой Европы» («Биография Ф. И. Тютчева», М., 1886, стр. 70). В 1847 г. Чаадаев прислал Тютчеву свой портрет, повидимому нарочно для него писанный, за который Тютчев благодарил его длинным и интересным письмом («Русский Архив» 1900, кн. III, стр. 411—412). К сожалению местонахождение этого портрета в настоящее время неизвестно. В бумагах Жихарева сохранилась еще одна записка Тютчева к Чаадаеву. Ввиду того, что записка эта не представляет самостоятельного интереса, приводим ее здесь:

«Я в отчаянии, дорогой друг, что покидаю Москву, не имея возможности проститься с вами и не выразив вам вновь своей благодарности за вашу любезную услужливость. Но так как я очень надеюсь вернуться сюда к концу августа месяца, то и рассчитываю иметь случай исправить это упущение. Пока что благоволите сохранить ко мне дружеское расположение и примите уверение в моей искренней преданности. Ф. Тютчев — Суббота, 14 июля [1850]».

6. Я. П. ПОЛОНСКОМУ¹

Суббота, 15 Августа [1864]²

Что с вами, друг мой Яков Петрович, что ваше здоровье?—О как мне больно, и за вас и за себя, что вы не здоровы.

— Мне с каждым днем хуже—надо ехать, бежать—и не могу решиться—воля убита, все убито—

Знаете ли, что мне пришло в голову в моем тупом отчаянии?—Что, если бы вы мне дали увезти себя за границу—хоть на несколько недель? Отпуск получить не трудно—а вы бы спасли меня—в буквальном смысле спасли?—Подумайте и отвечайте—Еще почти неделя до моего отъезда³.

Вам от души преданный
Ф. Тютчев

¹ Полонский, Яков Петрович (1820—1898), поэт. Кроме печатаемого здесь письма известно еще четыре письма Тютчева к нему: из них одно было опубликовано впервые в газете «Московский Понедельник» (1922, № 2, стр. 3) и три — в юбилейном тютчевском альбоме «Уралия» (Л., изд. «Прибой», 1928, стр. 79—81). О дружеских отношениях Тютчева и Полонского, помимо этих писем, свидетельствуют еще два стихотворения, которыми обменялись оба поэта в 1865 г. («Ночной костер зимой у перелеска...» Полонского и «Нет боле искр живых на голос твой приветный...» Тютчева). Памяти Тютчева Полонский посвятил стихотворение «Оттого ль, что в божьем мире...»

² Письмо это относится к 1864 г. и написано через десять дней после смерти Е. А. Денисьевой. Четырнадцатилетний роман Тютчева с нею не был тайной для Полонского — не потому, что он вообще получил огласку, а потому, что сам Тютчев в порыве откровенности рассказал ему об этом. 8 декабря 1864 г. он писал Полонскому: «С той минуты, как я прошлым летом встретил вас в Летнем саду и в первый раз высказался перед вами о том, что мне претило, и до сей минуты, если б год тому назад все мною пережитое и пережитое приснилось мне с некоторою живостью, то, мне кажется, я, не просыпаясь, тут же на месте и умер [бы] от испуга». О романе Тютчева с Денисьевой см. книжку Г. И. Чулкова «Последняя любовь Тютчева», изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. Некоторые новые сведения об этом эпизоде биографии поэта сообщила Е. П. Казанович. См. «Звенья» № 1, М.-Л., изд. «Academia», 1932, стр. 86—91.

³ Полонский не дал Тютчеву «увезти себя за границу». Тютчев уехал один (точная дата его отъезда неизвестна) и пробыл за границей до весны следующего года. В Петербург он вернулся 26 марта 1865 г. Из Ниццы Тютчев послал только что цитированное письмо к Полонскому (полный текст в книжке Чулкова «Последняя любовь Тютчева», стр. 50—52).

7—9. П. В. АННЕНКОВУ¹

I

[30 ноября—1 декабря 1866²]

Из пяти билетов, переданных мною Графине Блудовой³, она благоволила мне уступить один, прося доставить вам по означенной цене прилагаемые 5 р[ублей] с[еребром]. Вы просили у меня стихов для вашего вечера, почтеннейший Павел Васильевич, посылаю вам несколько беглых незатейливых вирш, предоставляя их в совершенное ваше распоряжение⁴.

Душевно преданный

Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Его Превосходительству Павлу Васильевичу Анненкову от Ф. И. Тютчева».

II⁵

Вот как можно бы изменить последний стих:

Царю быть другом до конца
И до конца служить России⁶.

Впрочем еще раз повторяю вам, почтеннейший Павел Васильевич, все это предаю в ваше полное распоряжение.

Ф. Тютчев

III

Суббота [3 (?) декабря 1866]

Майков⁷ предлагал мне свою поправку. Но она, по моему, хуже моей. Что такое искренний сын Р[оссии]? Все это не по русски. Главное тут в слове служить, этом, по преимуществу, русском понятии — только кому служить?

Мне, право, смешно и совестно занимать вас такими пустяками.

Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Павлу Васильевичу Анненкову».

¹ Анненков, Павел Васильевич (1812—1887), критик, известный пушкинист.

² Записка эта поддается более или менее точной датировке. В автографе стихотворения «Великий день Карамзина», хранящемся в Государственном Литературном Музее, имеется дата рукой М. Ф. Бирилевой: 1 декабря 1866 г. В архиве Анненкова находится копия, помеченная 30 ноября 1866 г. В списках Мурановского архива встречается и та, и другая даты. Можно предположить, что к 30 ноября относится первоначальная редакция стихотворения, а к 1 декабря — вторая, отличающаяся от предыдущей наличием двух стрóf. Эти две стрóфы — четвертая и пятая стрóфы традиционного текста — написаны на отдельном листке поэта и приложены к автографу. Анненкову они сообщены не были, вследствие чего отсутствуют и в его копии, и в тексте «Вестника Европы». Вероятнее всего, что печатаемая здесь записка Тютчева к Анненкову относится к 30 ноября или 1 декабря 1866 г., но во всяком случае послана до написания двух дополнительных стрóf.

³ Блудова, гр. А. Леонова Дмитриевна (1813—1891), дочь гр. Д. Н. Блудова, камер-фрейлина, автор «Записок» (М., 1889). Была близка с семьей Тютчевых.

⁴ «Беглые незатейливые вирши» — стихотворение Тютчева «На юбилей Н. М. Карамзина» (Великий день Карамзина...), написанное для литературного вечера в память столетия со дня его рождения. Вечер этот состоялся 3 декабря 1866 г. в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Стихотворением Тютчева закончил свою вступительную речь М. М. Стасюлевич. Стихи были напечатаны впервые в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1866 г. (стр. I—XII).

⁵ Записка не поддается точной датировке. В случае, если условно принятая нами датировка третьей записки верна, то настоящая записка, как явно предшествующая ей, должна быть отнесена ко 2 или также 3 декабря 1866 г.

⁶ Третья и четвертая стрóки заключительной стрóфы стихотворения. В автографе стрóфа эта читается так:

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

По требованию цензуры последний стих был изменен Тютчевым и напечатан с этим изменением. Неизвестно, было ли стихотворение прочтено именно в такой редакции на карамзинском вечере 3 декабря или же изменение было внесено только в печатный текст. В первом случае следующая записка может с полной точностью датироваться 3 декабря, приходившимся в субботу. Принимаем эту дату предположительно.

⁷ Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, близкий знакомец Тютчева.

10. А. В. ПЛЕТНЕВОЙ¹.

Берлин, 7/19 июля 1870

Где вы, и если вы еще в Эмсе, что вы делаете среди этой ужасной сумятицы, которая начинается? Если бы я знал наверное, что вы в Эмсе, я не мог бы устоять против искушения отправиться разыскивать вас там. Но после вашего отъезда я не имел от вас, как и должен был этого ожидать, ни малейшего признака жизни... Но если бы случайно эти строки имели удачу дойти до вас, подайте мне знак жизни, адресовав мне его в Карлсбад, куда я еду завтра. — Еще несколько дней, и мы будем в полном катаклизме. Да хранит вас особенно господь².

Ф. Тютчев

Подлинник по-французски.

¹ Плетнева, Александра Васильевна (1826—1901), — рожд. кн. Щетинина, жена приятеля Пушкина и наследника его «Современника». Как известно, в пушкинском «Современнике» появился первый крупный цикл стихотворений Тютчева (т. III за 1836 г., стр. 5—22 — 16 стихотворений и т. IV, стр. 34—41 — 8 стихотворений) после отдельных пьес, разбросанных в разное время по разным альманахам; участие Плетнева в напечатании Пушкиным стихотворений Тютчева никем не засвидетельствовано, но после смерти Пушкина стихотворения Тютчева продолжали помещаться в «Современнике» за 1837 г. (т. VI, стр. 393—398), 1838 г. (т. IX, стр. 131, 138; т. X, стр. 184; т. XI, стр. 181; т. XII, стр. 91) и последующие годы, когда Плетнев сделался уже единоличным хозяином журнала; поэтому естественно думать, что переселившись в Россию, Тютчев мог пожелать познакомиться, и действительно познакомился с Плетневым, с которым к тому же имел общий круг знакомых. В переписке Плетнева с разными лицами (главным образом с Я. К. Гротом) остались следы этого знакомства и различных встреч его с Тютчевым; из них мы видим, что знакомство их при жизни Плетнева (ум. 29 декабря 1865 г.) не носило оттенка ни близости, ни теплоты, ни особой симпатии, какими отличалось отношение Тютчева ко многим другим представителям русского литературного мира (например к Половскому, к Майкову, даже к В. И. Ламанскому и др.), и причину этого надо искать вероятно в несколько чиновничьем искательном характере, в довольно ограниченном, догматически-узком, нежизненно-рутинном и сухом уме Плетнева. Гораздо симпатичнее, как это по всему видно, самого Плетнева была Тютчеву его жена. После смерти мужа между ней и семьей Тютчева завязались более близкие отношения, следы которых является как известное стихотворение Тютчева, ей посвященное («Чему бы жизнь нас ни учила...») так и помещаемое здесь письмо, помеченное тем же 1870 годом, что и стихотворение.

² Любопытно сопоставить беглые отзывы Тютчева в этом письме о франко-прусской войне 1870 г. с отзывами его за это же время в письмах к жене («Старина и Новизна», кн. 22) и к Е. К. Богдановой (в нашей работе «Федор Иванович Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову», Л., 1926).

II. ПИСЬМА К Ф. И. ТЮТЧЕВУ

1—2. ПИСЬМА П. Я. ЧААДАЕВА

I

Басманная, 10 мая [1847]

Я в восхищении, дорогой*** [Тютчев]¹, что вы удовлетворены моим портретом². Он должен был быть литографирован в Москве, но так как

здесь не нашлось хорошего литографа, то он был послан в Петербург, и я полагал, что вы столь же охотно примете оригинал, как приняли бы и копию. Если бы вы согласились принять на себя труд справиться, какой литограф наиболее славится в Петербурге и какова его цена и сообщить мне об этом в двух словах, я был бы вам бесконечно обязан. Как вы знаете, не раз ко мне обращались с просьбой дать мое несчастное изображение: поэтому поневоле приходится постараться пойти навстречу этой настойчивой приязни. Я собирался писать об этом Вяземскому в момент получения вашего письма: как раз намереваюсь писать ему с тем, чтобы похвалить его статью о Гоголе³; я нахожу ее отличной в противность мнению почти всей нашей литературной братии, озлобление которой против этого несчастного гениального человека не поддается описанию. Один только Хомяков остался ему или, лучше сказать, самому себе верен.

Так как вас несомненно интересуют наши домашние дела, то вам не безразлично будет узнать, что последний сейчас ввязался в очень серьезную полемику с Грановским по поводу Бургиньонов и Франков⁴. Как вы видите, мы не теряем своего времени попустому и вопросы текущего дня занимают нас не менее, чем остальной мир. Правда, нам не хватает времени слишком много возиться со всеми нелепостями, происходящими в Европе, такими, как, например, Прусские дела и другие им подобные, но у нас его больше, чем надо, чтобы достойно готовиться, в качестве нового народа божия, к великой предназначенной нам миссии, руководить умственным и общественным движением человеческого рода. Многозначительному спору, о котором я вам сообщаю, придает еще большую значительность то, что с этим связано нравственное положение друга нашего Хомякова, среди представителей одной с ним масти, а вы знаете, каково это положение⁵. Впрочем, что бы с ним при этом не случилось, он, по моему мнению, всегда сохранит ту долю уважения, которой заслуживает, потому что по счастью в людях всегда имеется нечто более важное, чем их знание.

Что сказать мне про себя и про свое жалкое здоровье? Мы постоянно раскачиваемся между благом, которое я не почитаю благом, и злом, которое, говорят, вовсе не есть зло. Я прозябаю таким образом в обманчивости духа и плоти. Все это, как вы легко поймете, делает меня отнюдь не забавным для других, за исключением редкой дружбы, забредшей в глушь и столь же упорной, как ваша, но приходится поневоле мириться с тягостью обманного существования, которое сам себе создал. Ваша дружба, несмотря на разделяющие нас пространства, составляет одно из самых моих отрадных утешений, а ныне, в виду обещанного нам близкого вашего прибытия в наши широты, я прибавляю еще, что оно поддерживает во мне самую пленительную надежду. Приезжайте же, вы на деле убедитесь, какое важное значение могут иметь подлинные симпатии одного разумного существа для другого такого же или по крайней мере таким когда-то почитавшегося.

Но только торопитесь, потому что чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что пора мне сгнать со света тем или другим путем, через бегство или могилу. Что ни день, я вижу, как возникают вокруг меня какие-то новые притязания, которые выдают себя за новые силы, старые обманы, которые принимаются за старые истины, шутовские идеи всякого рода, которые признаются серьезными делами; и все это принимает осанку авторитета, власти, высшего судилища, выносит вам приговоры осуждения или оправдания, лишает вас слова или разрешает говорить. Чувствуешь себя как бы в исправительной полиции в каждый час своей жизни. Что прикажете делать в этом новом мире,

где ничто мне не улыбается, ничто не протягивает мне руку и не помогает жить? В конце концов я все же предпочитаю погибнуть от скуки, порожденной унынием одиночества, чем от руки тех людей, которых я так любил, которых я и теперь еще люблю, которым я служил по мере сил и готов был бы еще послужить.

Прощайте, дорогой друг. Верьте, прошу вас, моему чувству глубокой привязанности, с нетерпением жаждущей отрадного общения с вами.

Петр Чадаев.

II

[Июль (?) 1848]

Я только что прочитал, дорогой*** [Тютчев] вашу интересную записку о текущих событиях: прежде всего позвольте мне высказать то удовольствие, которое я испытал при ее чтении; затем я, быть может, смогу еще кое что к этому прибавить. Как вы очень правильно заметили, борьба, в самом деле, идет лишь между революцией и Россией: лучше невозможно охарактеризовать современный вопрос. Но, признаюсь вам, меня повергает в изумление не то, что умы Европы под давлением неисчислимых потребностей и необузданных инстинктов не постигают этой столь простой вещи, а то, что вот мы, уверенные обладатели святой идеи, нам врученной, не можем в ней разобраться. А, между тем, ведь мы уже порядочно времени этой идеей владеем. Так почему же мы до сих пор не осознали нашего назначения в мире? Уж не заключается ли причина этого в том самом духе самоотречения, который вы справедливо отмечаете, как отличительную черту нашего национального характера? Я склоняюсь именно к этому мнению, и это и есть то, что, на мой взгляд, особенно важно по настоящему осмыслить.

Нельзя достаточно настаивать на том, что социальная драма, при которой мы в настоящее время присутствуем, есть прямое продолжение религиозной драмы XVI века, этого гордого протеста человеческого разума против авторитета предания и против духовного принципа, — разума, стремящегося владычествовать над обществом. И вот вскоре обнаружилось, что этот протест, казавшийся самым зрелым умом эпохи столь законным и который действительно был таковым, но от которого тем не менее зависело все будущее народов Европы, сперва внес анархию в религиозные идеи, а затем обрушился на самые основы общества, отвергнув божественный источник верховной власти. Мы были свидетелями великого события, не принимая в нем участия: мы имели возможность оценить его со спокойствием беспристрастного разума; мы могли, мы должны были воспользоваться поучением, которое в нем заключалось; мы ничего этого не сделали.

Катастрофа произошла у нашего порога и ничему нас не научила, и немедленно вслед за тем мы сами отправились к их очагам в поисках за рожденными ею идеями и за созданными ею ценностями. И заметьте, что тот день, когда мы предприняли это паломничество в святые места иноземной цивилизации в лице изумительного человека, который представлял тогда сердце и душу народа подобно тому, как человек, являющийся сейчас носителем его звания, их ныне представляет⁶, день этот наступил непосредственно после того, в который завершилось полное развитие нашей религиозной идеи, ибо это произошло на другой день после учреждения патриаршества.

По милости небес мы принесли с собой лишь кое-какую внешность этой негодной цивилизации, одни только ничтожные произведения этой пагубной науки: самая цивилизация, наука в целом остались нам чужды⁷. Но все же мы достаточно познакомились со странами Европы, чтобы

иметь возможность судить о глубоком различии между природой их общества и природой того, в котором мы живем. Размышляя об этом различии, мы должны были естественно возыметь высокое представление (opinion) о наших собственных учреждениях, еще глубже к ним привязаться, убедиться в их превосходстве, равно как и в могуществе тех начал, на которых покоится наш социальный строй; мы должны были отыскать в наших традициях, в наших нравах, в наших верованиях, в выражении нашей внутренней жизни, в выражении нашей жизни общественной, даже и в наших предрассудках, словом во всем, что составляет наше национальное бытие, все необходимые условия превосходного развития, все источники бесконечного усовершенствования, все зародыши необъятного будущего: этого не произошло. Совсем напротив, с того часа, как мы оказались в соприкосновении с иноземными идеями, мы поспешили отказаться от наших старинных туземных идей, мы сразу изменили нашим старинным обычаям, мы забыли наши почтенные традиции, мы преспокойно претерпели ниспровержение одного за другим наших вековых учреждений: мы почти целиком отреклись от всего нашего прошлого, мы сохранили одни только наши религиозные верования. Правда, эти верования, составляющие самое сокровенное нашего социального бытия, были достаточны, дабы оградить нас от нашествия самых негодных принципов иноземной цивилизации, против дыхания самых зловредных ее истечений, но они были бессильны развить в нас сознание той роли, которую мы были призваны выполнить среди народов земли⁸.

И вот, подчинившись игу этой цивилизации, мы все же сохранили доблести наших отцов, их дух покорности, их привязанность к государю, их пристрастие к самоотвержению и самоотречению, но, в то же время, идея, заложенная в нашей душе рукой провидения, в ней не созревала⁹. Совершенно не сознавая этой великой идеи, мы изо дня в день все более поддавались новым влияниям и когда наступил новый катаклизм, вторично потрясший мир, мы и им не воспользовались, мы еще раз не сумели обнаружить преимущества социального существования, которым мы имели счастье обладать, и теми преимуществами, которые провидение нам даровало во внимание к чистоте наших верований, к глубокой вере, преисполнявшей наши сердца. Удивительное дело: чем больше развертывавшиеся перед нашими глазами события, так сказать, разъясняли социальную задачу мира и раскрывали перед нами высокие предназначения, для нас уготованные, тем менее мы их понимали. Очевидно, все эти революции, при которых мы присутствовали в течение полустолетия, не только не уяснили нам состояние стран, в которых они происходили, равно как и состояния нашей собственной страны, а лишь еще затемнили наше сознание. И если в настоящее время некоторое пробуждение национального начала, некоторый возврат к старым традициям, которые составляли счастье наших отцов и были источником их доблестей, обнаруживаются среди нас более или менее явственно, приходится сознаться, что это явление лишь назревает и что оно в настоящее время носит лишь характер исторического изыскания, литературного течения, совершенно неведомого стране.

Подлинники обоих писем по-французски.

¹ По обыкновению своему Жихарев, копируя письма, заменил в обращении фамилию адресата тремя звездочками, но нет конечно никакого сомнения, что звездочки скрывают здесь именно фамилию Тютчева. Первое письмо служит прямым ответом на письмо Тютчева к Чаадаеву от 13 апреля 1847 г., напечатанное еще Брюсовым в «Русском Архиве» 1900 г., второе письмо всецело посвящено известной записке Тютчева «Россия и революция», написанной по-французски с датой 12 апреля 1848 г. и напе-

чатанной в Париже в 1849 г. Она и по-французски и в русском переводе перепечатывается с 1886 г. в собрании сочинений Тютчева.

Оба письма без полных дат, но даты могут быть установлены с большой точностью. В первом письме указаны число и месяц: 10 мая; год написания конечно 1847. Это вытекает не только из указанного выше письма Тютчева к Чаадаеву, а еще из двух событий, о которых говорится в письме Чаадаева: и полемика Хомякова с Грановским по поводу «Буриньонов и Франко», и статья Вяземского о вышедших в 1846 г. «Выбранных местах из переписки с друзьями» — относятся именно к 1847 г. (подробности ниже). Дата второго письма определяется временем написания записки Тютчева: письмо не могло быть написано ранее 12 апреля 1848 г., даты записки Тютчева. Чаадаеву, благодаря его близким отношениям с московскими родными Тютчева — Сушковыми, записка поэта стала известна еще в рукописи. Это подтверждается документальным свидетельством: 22 июля 1848 г. Шевырев писал Погодину: «У Чаадаева есть мемуары, Тютчевым написанные... Чаадаев хотел бы тебе сообщить эту мемуарию» (Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IX, стр. 243). Сохранилось и напечатано также письмо Чаадаева к Шевыреву (без даты), о попытке ему «мемуарии» Тютчева и о желании, чтобы ее прочел Погодин, но с тем, чтобы к понедельнику, т. е. в приемный день Чаадаева, она опять к нему вернулась («Сочинения и письма Чаадаева», М., 1913, т. I, стр. 288). Очевидно мемуария должна была, как интересная новинка, служить предметом беседы в салоне Чаадаева. Письмо написано немедленно после прочтения «Записки»; последняя, как новинка, была в руках Чаадаева около 22 июля 1848 г. Это и определяет дату письма. Содержание обоих писем, каждого по своему, чрезвычайно важно. Они хорошо друг друга дополняют, освещая разные стороны отношений между Чаадаевым и Тютчевым. В письме 1847 г. Чаадаев раскрывает перед Тютчевым свое тяжелое настроение и делает это с редкой для него искренностью. Жутко становится от резкой критики окружающей среды, в которой именно и развертывалась в это время славянофильская доктрина, подвергаемая здесь злому осуждению, но еще более жуткое впечатление выносятся от вырвавшихся у Чаадаева слов о собственном его «обманном существовании», „existence peinteuse“... Легко понять его страстное влечение к возобновлению бесед с таким интересным собеседником, как Тютчев. Конечно не было в то время ни одного человека, столь ценного в этом отношении для Чаадаева, как именно Тютчев.

Второе письмо, напротив, все от первого до последнего слова посвящено общим соображениям и представляет огромный интерес для определения позиции Чаадаева после февральской революции и после пересмотра им своей доктрины. Может даже показаться, что он круто изменил все свое мировоззрение и является более славянофилом чем сами славянофилы, он как бы жалеет, что наш возврат к старине все еще недостаточен и пока не имеет настоящего отклика в обществе и народе. На самом деле это конечно не так. Чаадаев в восхищении от того, что наконец имеет перед собой попытку широкой концепции русской истории с освещением ее с мировой точки зрения. Правда, Тютчев в своей «Записке» с широкими линиями, в которых он набрасывает первую часть, скоро съезжает к практической политике текущего дня с довольно односторонней и весьма спорной окраской положения вещей, при чем католические и революционные элементы в его рассуждении о столкновении славян с венграми как-то перекрещиваются между собою, а о судьбах Германии он рассуждает с чрезвычайно узкой точки зрения необходимости сохранить в неприкосновенности весь ее иерархический строй. Но все же в «Записке» давался богатейший материал для дискуссии и по самым общим вопросам и по жутким вопросам современности. Чаадаев, конечно, далеко не во всем мог с ним согласиться. Коренное различие их взглядов выразилось особенно ярко через несколько лет, перед началом крымской войны, когда Чаадаев особенно решительно оспаривал именно тютчевские мечты о «Великой греко-русской восточной империи». Свое несогласие с общей мыслью Тютчева Чаадаев в полуприкрытой форме выражает и в этом письме. Во многих местах его сквозит явная ирония. Чаадаев знает, что на одном «смирении» и «самоотречении», которые Тютчев считает коренными чертами русской идеи, далеко не уедешь, и указывает уже в начале письма, что, может быть, эти-то черты и мешают нам самим разобраться в преимуществах нашего положения и понять смысл исторического хода событий. Но Чаадаев, наученный горьким опытом, в этот период своей жизни старается найти общую почву при полемике и проводить свою точку зрения, исходя из посылок, признаваемых противником, только бы этот противник достаточно широко ставил вопрос и заслуживал внимания... И можно с уверенностью утверждать, что если бы ему удалось сойтись лицом к лицу с Тютчевым при обсуждении «Записки» в целом, то у них должен был бы возгореться один из тех споров, когда оба столь обычно сдержанные и уравновешенные собеседника доходили в московском Английском клубе до крика, на который прибегал швейцар, в испуге, не происходит ли там какая-то потасовка (см. «Вестник Европы» 1871, № 9, стр. 41).

Надо еще принять во внимание, что письмо Чаадаева писано как раз в момент жестокого полицейского террора после февральской революции во Франции; в фев-

рале 1848 г. утвержден так называемый Бутурлинский комитет и последовал затем целый ряд мер, стесняющих всякое проявление радикальной мысли в печати. Некоторые намеки во втором письме легко расшифровать как решительную критику славянофильских и шовинистических устремлений Тютчева. Но особенно убеждаешься, что перед нами и здесь прежний Чаадаев, только введший в свою систему некоторые существенные фактические поправки из сопоставления с первым из печатаемых писем, которое решительно не допускает и мысли о возможности примирения с русской действительностью второй половины сороковых годов. Чаадаев собирается бежать из Москвы несмотря на то одиночество, которое после его удаления из общества может угрожать ему смертью; но конечно он и в Москве не менее одинок, и это именно и составляет вечную трагедию его жизни. Никакого примирения с национальной ограниченностью и застоєм, которые роковым образом мертвили славянофильскую доктрину, Чаадаев конечно не допускал.

² О письме Тютчева с благодарностью за присылку портрета см. выше. Через несколько лет Чаадаеву удалось через посредство С. Д. Полторацкого заказать в Париже гравированный свой портрет, который получил широкое распространение.

³ Это намерение свое Чаадаев, как известно, выполнил: он написал письмо Вяземскому об его статье о Гоголе, помещенной в № 90 и 91 «С.-Петербургских Ведомостей», и вышедшей затем отдельной брошюрой. Получению Чаадаевым статьи Вяземского предшествовало написание своей обстоятельной статьи о столь шумевшей книге Гоголя. Получив статью Вяземского, Чаадаев прибавил к своей свой отзыв о ней. Он датирован 29 апреля 1847 г. Этой дате противоречит дата письма Тютчеву — 10 мая — так как из этого письма выходит, что Чаадаев еще только собирается ответить Вяземскому. Письмо Чаадаева ходило по рукам, прежде чем попало в руки Вяземского. Пожалуй, он узнал об нем позже всех других приятелей Чаадаева. Еще в феврале следующего 1848 года он требует от Чаадаева присылки письма ему («Старина и Новизна», кн. I, 1897, стр. 210).

⁴ Полемика между Грановским и Хомяковым по поводу Бургиных и Франков, времени и месте их передвижения и поселения в эпоху переселения народов возгорелась по поводу статьи Хомякова, служившей предисловием к изданию Д. А. Валуева «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных», М., 1845. После рецензии на статью в «Отечественных Записках» 1846 г., Хомяков ответил на нее в одной статье своей в «Московском Сборнике» 1847 г.; это вызвало новое возражение Грановского в «Отечественных Записках» того же года: статья датирована 25 марта. Затем последовала дальнейшая полемика в московских газетах. Хомяков поместил две статьи в «Московском городском Листке», Грановский — столько же статей в «Московских Ведомостях» Корша. Отзыв Чаадаева об этой буре в стакане воды, конечно, иронического характера; спор казался ему слишком мелочным и заслонившим более важные вопросы современности. Полемические статьи обоих диспутантов помещены в собрании сочинений Хомякова (в издании 1900 г., том III), а также и в «Сочинениях» Грановского.

Под «прускими делами» Чаадаев разумеет, очевидно, неожиданно изданный в начале 1847 г. королем Фридрихом-Вильгельмом IV указ о созыве ландтага, с весьма, правда, ограниченными правами и с совещательным голосом. Из этой попытки обновления государственного строя Пруссии, как известно, ничего не вышло, но в свое время, в ожидании либерального курса со стороны этого «короля-романтика» указанная мера расценивалась как весьма важное событие.

⁵ Говоря о положении Хомякова, Чаадаев имеет здесь в виду его бесспорное главенство среди славянофильской школы. Он при этом довольно справедливо дает понять, что разгоревшаяся полемика по частному вопросу из эпохи переселения народов, породившая по четыре выступления с каждой стороны в течение двух лет, на деле имела значение не столько по существу вызвавшего спор вопроса, сколько в смысле обнаружения своей правоты и больших знаний со стороны того или другого из представителей двух московских течений.

⁶ Под «изумительным человеком» Чаадаев разумеет здесь конечно Петра I, перед которым он продолжает преклоняться. «Преемником его звания» он называет Николая I. В своей «Записке» Тютчев выставляет Николая выразителем «русской идеи», Чаадаев противопоставляет ему Петра, который имеет на это такое же право.

⁷ В отзыве Чаадаева о поверхностном усвоении нами европейской культуры и о ничтожестве наших научных знаний, как явлениях положительных, звучит явная ирония. О том, как мы легко поддались чужому влиянию говорит обстоятельно в «Аполло-гии безумного», написанной в 1837 году. О поверхности наших заимствований красочно говорится в «I философическом письме».

⁸ Центральный пункт прикрытого потоком восхвалений возражения Чаадаева Тютчеву заключается именно в этом утверждении, что в результате всех наших преимуществ мы, при сопоставлении основ нашей культуры с культурой европейской, не имеем никакого определенного представления о нашем положении в мировом развитии и о нашей исторической миссии.

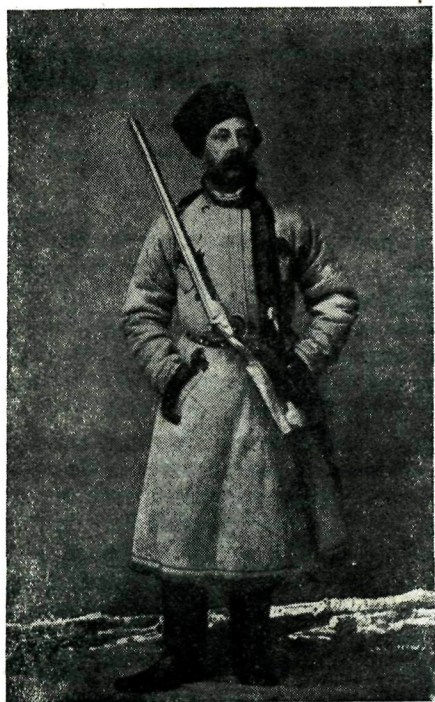
⁹ Употребленное здесь выражение, что мысль, положенная в основу нашего развития, не созрела в нас по мере нашего роста, прямо перенесено из «1 философического письма» Чаадаева.

3. ПИСЬМО гр. А. К. ТОЛСТОГО¹

11/23 октября 1860. Лондон

Многоуважаемый господин Тютчев, около двух месяцев назад полагая вас находящимся, по ошибочному указанию, в Содене, я писал вам туда, чтобы просить вас извинить меня за то, что я адресовал на ваше имя в Петербург ящик с книгами. После того я узнал, что вы не были в Содене, но, не зная вашего теперешнего местопребывания, пишу на всякий случай в Петербург, чтобы объяснить вам свой поступок и за него извиниться. Так как вы стоите во главе иностранной цензуры и, рано или поздно, мои книги должны были пройти через ваши руки, я подумал, что было проще послать их прямо к вам. Если вы их еще не получили, вы не преминете их получить, и я рассчитываю на вашу снисходительность и на вашу хорошо известную любезность, чтобы быть оправданным в своей нескромности. Прилагаю здесь список книг, который не совсем полон, но он будет достаточен для того, чтобы доказать идентичность моей посылки. Вы меня бесконечно обяжете, если, проценировав эту посылку, вы разрешите ее взять г-ну Благовидову, моему уполномоченному, проживающему на Надеждинской, в доме Фоминой. Г-н Благовидов предупрежден уже давно и не должен допустить, чтобы вам была предъявлена какая бы то ни было накладная на расходы по пересылке.

Надеюсь увидеть вас в Петербурге в конце этой зимы или в начале весны и просить у вас разрешения прочесть вам драму², которую я написал частью в России, частью за границей и мысль о которой зани-

А. К. ТОЛСТОЙ

Фотография 1850 гг.

Собрание Н. И. Тютчева, Москва

мала меня много лет. Остается узнать, соответствует ли результат моим усилиям. Примите еще раз, дорогой господин Тютчев, мои извинения, так же как и выражение моего глубокого уважения. Весь ваш гр. Алексей Толстой.

Если вы заблагорассудите почтить меня словом ответа, соблаговолите адресовать его в Дрезден, в посольство.

В ящике с книгами имеются ноты и гравюры.

Подлинник по-французски.

¹ Толстой, гр. Алексей Константинович (1817—1875) — поэт и романист.

² Здесь говорится вероятно о «Дон-Жуане», появившемся в апрельской книжке «Русского Вестника» за 1862 г. (стр. 581—692) и озаглавленном так: «Дон-Жуан. Драматическая поэма. Посвящается памяти Моцарта и Гофмана».

4—6. ПИСЬМА гр. П. А. ВАЛУЕВА¹

I

Сожалею, что два раза пропустил удовольствие видеть ваше превосходительство. Соизвольте определить сами продолжительность вашего отпуска². Полагаю, что мы можем обойтись без всякой формальности на этот счет и прошу вас заместить себя гр. Комаровским³, согласно с упоминаемым вами обыкновением. Тысячу выражений почтения и пожеланий в вашем путешествии.

Валуев

Острова, 10/VI. 63

II

Острова, 10/VI. 64

Спешу уведомить ваше превосходительство, что я не вижу препятствий к поездке в Москву⁴, которую вы предполагаете совершить. Гр. Комаровский⁵ получит ваши инструкции на счет временного исполнения им должности. Прошу ваше превосходительство благоволить принять повторные уверения в моем высоком уважении.

Валуев

III

Среда, 7 Декабря [1866]

Господин тайный советник. Давно уже ваше превосходительство высказали мне то малое сочувствие, которое внушает вам направление, данное делам печати, и что вы сознаете трудность продолжать участвовать в этой отрасли служебного поприща⁶. Со своей стороны я также составил себе на этот счет совершенно определенное мнение. Личное уважение, отдаваемое вам мною, чувства искреннего почтения, которое я вам засвидетельствовал и очень естественное отвращение к принятию решения, которое могло бы быть вам мало приятным, не позволяли мне до сих пор привести в действие намерение, которое я давно уже довел до сведения государя императора. Изменения, происшедшие в личном составе управления по делам печати⁷, принуждают меня тем не менее приступить к этому. Я желаю сделать это в форме и с материальными условиями, которые наиболее подходили бы для вас. Ваше превосходительство обяжете меня, почтив меня посещением по этому поводу сегодня от 7 до 8½ ч. вечера. Благоволите принять уверения в моих чувствах отличнейшего уважения.

Валуев

Подлинники всех трех писем по-французски.

¹ Валуев, Петр Александрович (1814—1890) — видный государственный деятель николаевской и александровской России. С 1861 г. был поставлен во главе министерства внутренних дел, в ведение которого в 1863 г. была передана цензура. В 1865 г. им была проведена цензурная реформа, заключающаяся в установлении, на ряду с прежней предупредительной цензурой, цензуры карательной, чрезвычайно тяжело отразившаяся на положении печати; с 1866 г. начали появляться различные дополнения к цензурному уставу, еще более ухудшавшие его.

Относительно либеральные позиции, занимаемые в этом вопросе Тютчевым, занимавшим пост председателя Комитета Цензуры Иностранной, стояли таким образом в некотором противоречии с валуевскими тенденциями, и этим обстоятельством объясняются его довольно неровные отношения с Валуевым, которые можно проследить по публикуемым письмам.

Неровности эти начались однако не тотчас после перевода цензуры из министерства народного просвещения в ведение Валуева. Вначале отношения их были вполне мирными, свидетельством чему служит первое письмо Валуева к Тютчеву от 10 июня 1863 г., вызванное просьбой Тютчева о разрешении ему отпуска.

Разногласия их начались повидимому позднее, в связи с цензурным преследованием аксаковского «Дня», взятого Тютчевым под свою защиту; кроме того, поводом к обострению отношений могли служить «Московские Ведомости», встречавшие не менее подозрительное отношение Валуева и также отстаиваемые Тютчевым.

А. В. Никитенко в своем дневнике от 19 декабря 1865 г. (т. II, стр. 265—266) записывает: «Тютчев, Ф. И. рассказывал мне о своем разговоре с Валуевым о делах печати. Он откровенно объяснял министру, что репрессивная система, принятая им, ни к чему хорошему не приведет. Тютчев с негодованием рассказывал мне также о Совете, от участия в делах которого он решительно отказался... Министр сам смотрит на дело, как чиновник, а не как государственный человек и, кажется, не имеет понятия о значении мысли, которую думает подавить канцелярскою рутинною и канцелярскими мерами». И под 23 декабря (там же): «Министр смотрит на вопросы мысли и печати, как полицейский чиновник; председатель совета Щербинин есть ничтожнейшее существо, готовое подчиниться всякому чуждому влиянию, кроме честного и умного, а всему дает направление Ф. [Фукс] и делопроизводитель [гр. П. И. Капнист]. Они доносят Валуеву о словах и мнениях членов и предрасполагают его к известным решениям, настраивая его в то же время против лиц, которые им почему-нибудь неугодны». Таковы иллюстрации хорошо осведомленного современника к нашим словам.

Естественно, что последовавшая через год после первой просьба Тютчева об отпуске встретила уже гораздо более официальный ответ со стороны Валуева. И наконец в третьем письме, следовавшем еще два с половиною года спустя, их отношения вырисовываются как уже почти откровенно враждебные.

² Отсутствие Тютчева в заседаниях Комитета Цензуры Иностранной, где он был председателем, началось еще до этого письма Валуева, именно с 5 июня, и продолжалось до 14 августа, когда снова начинает появляться его подпись под журналами заседаний. Почти все это время Тютчев провел в Москве, где проходил курс лечения гомеопатией; прибыл он туда 15—16 июня, а в Петербург вернулся 10 августа, в субботу. Повидимому тогда же началось сближение Тютчева с Катковым, о котором он часто упоминает с чувством симпатии в письмах к жене за эти месяцы.

³ Комаровский, Егор Евграфович (1803—1875) — был в 50-х годах чиновником особых поручений при Главном Управлении Цензуры. В 1859 г., не без давления Тютчева, был назначен старшим цензором в Комитет Цензуры Иностранной, на место уволенного Дукшты-Дукшинского, и в этой должности умер, действительно всегда заменяя Тютчева во время его отпусков и отлучек.

⁴ На этот раз Тютчев пробыл в Москве меньше месяца (с 14 июня), а в Комитете отсутствовал в трех заседаниях его: 10, 17 и 24 июня, так как под журналом от 1 июля подпись его уже стоит. Здесь мы наталкиваемся на некоторое противоречие: в письме к Эрнестине Федоровне от 10 июля 1864 г. из Петербурга Тютчев пишет, что «водворился опять здесь с 5 числа»; остается предположить, что журнал за 1 июля Тютчев подписал позже, фактически на заседании не присутствуя. В Петербург Тютчев торопился, как он писал жене, для того, чтобы «завладеть князем Горчаковым тотчас по его приезде» из-за границы, и с его помощью — будучи председателем Цензурного комитета, Тютчев продолжал числиться в службе и по министерству иностранных дел — устроить себе самому продолжительную командировку за границу, где в то время находилась его семья. Горчаков пошел навстречу его желанию, и 14 августа Тютчев подписал официальное отношение на имя министра внутренних дел о назначении, по случаю его отъезда «по делам службы» за границу, на время его отсутствия председательствующим в Комитете «по бывшим примерам» гр. Комаровского, на что 22 августа последовало официальное согласие Валуева за № 384, вместе с добавлением, что с его стороны не встречается препятствий к тому, чтобы

следуемое Тютчеву по Комитету содержание выдавалось в его отсутствие казначею Комитета Добровольскому. С 25 августа 1864 г. и по 17 марта 1865 г. подписей Тютчева под журналами Комитета нет, а появляются они снова 24 марта 1865 г. В промежутке между двумя поездками Тютчева — в Москву и за границу — скончалась 4 августа Е. А. Денисьева, чем и объясняется лихорадочное, мятущееся состояние Тютчева, не позволявшее ему спокойно оставаться на месте.

⁵ Получив это письмо, Тютчев тотчас отправил вместе с ним гр. Комаровскому следующую собственноручную записку (подлинник по-французски):

«Таков, дорогой граф, ответ министра на мое предложение. Мне остается только еще раз поблагодарить вас, и очень искренно, за ваше любезное доброе желание, которым я не злоупотреблю. Тысяча свидетельств почтения и преданности. Ф. Тютчев».

⁶ Так как Тютчев служил одновременно в двух министерствах: иностранных дел и внутренних (по цензуре), то слова Валуева могли относиться только к последнему; но что имелось им при этом в виду: Комитет Цензуры Иностранной, или только Совет Главного Управления по делам печати, или и то и другое вместе, — точно установить пока не удалось; судя по словам письма, отмеченным в следующем (7-м) примечании, можно думать, что речь шла только о Совете.

⁷ Изменения в личном составе Совета Главного Управления по делам печати состояли в том, что председательствующим в Совете начальником Главного Управления вместо сенатора М. П. Щербинина был в начале декабря 1866 г. назначен М. Н. Похвиснев (подпись его в первый раз встречается под журналом заседаний Совета 12 декабря 1866 г.), в свою очередь смененный в конце сентября 1870 г. свиты е. в. генерал-майором М. Р. Шидловским, которого через год, в ноябре 1871 г., заменил М. Н. Лонгинов; кроме председательствующего, прибавилось еще 2 или 3 новых члена Совета.

7. ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА¹.

Баден-Баден 29 сент. 1867

Дорогой господин [Тютчев], податель этого письма, г-н Евгений Скайлер² из Нью-Йорка, отправляется в Москву, где он только что назначен в Американское консульство. Он владеет нашим языком, изучил нашу литературу и желает лично познакомиться с нашими наиболее выдающимися людьми. Было вполне естественно, что я подумал о вас, и я не сомневаюсь в том, что вы примете его со свойственной вам сердечной благожелательностью. Искренне благодарю вас заранее и прошу вас принять уверение в моих чувствах отличнейшего уважения.

И. Тургенев

Р. С. Г-н Евгений Скайлер только что выпустил перевод моих „Отцов и Детей“³.

Подлинник по-французски.

¹ И. С. Тургенев был, как известно, в числе первых, признавших и отметивших поэтический талант Тютчева, и первый осуществил в 1854 г. издание его стихотворений отдельной книжкой. Тем не менее ни близких, ни даже просто дружеских отношений, какие были например между Тютчевым и Полонским или Майковым, между ними не установилось. Причиной тому была конечно слишком большая разность идейного склада того и другого: национализм Тютчева был совершенно чужд Тургеневу; с другой стороны, Тютчеву претил резко выраженный «европеизм» Тургенева, его насмешливо-ироническое отношение к славянофильской доктрине. После появления «Дыма», кроме известного стихотворения Тютчева и его эпиграммы на этот роман, появившийся в библиографическом обзоре газеты «Голос» от 22 июня 1862 г., без упоминания имени Тютчева, вот что писал он В. И. Ламанскому в марте или в апреле 1867 г.: «Ваше предисловие к книге Штура превосходно, и желательно было бы при случае перепечатать его, хотя бы сокращенно, в политической газете (в «Голосе» например). Весьма кстати щелчок Тургеневу, как последнему выражению худшего из русских нигилистов, — нигилизма нравственного и душевного бессилия». («Русская Мысль» 1915, кн. XI, стр. 130). — Точное название русского перевода книги Штура следующее: «Славянство и мир будущего. Послание к Славянам с берегов Дуная Людвига Штура (1855). Перевод неизданной немецкой рукописи с предисловием и примечаниями В. Л.» — «Чт. О. И. Др.», 1867, кн. I, отд. III, стр. 1—120.

П. А. ВАЛУЕВ

Карикатура И. А. Всеволожского
Исторический Музей, Москва

² Скайлер, Евгений (1840—1890) — американский писатель и дипломат. Кроме «Отцов и Детей» Тургенева он перевел также «Казаков» Толстого.

³ Tourgénéff (Iwan S.). Fathers and Sons, from the Russian, by E. Schuyler, New-York, 1867.

8. ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА¹

В одно время с этим письмом, многоуважаемый Федор Иванович, получите Вы и Москву от вторника, с длинною и, как мне кажется, громовую статью для предостерегателя². Статья эта такого рода, что не может вызвать предостережения: или что-нибудь хуже, или полнейшее мое оправдание. Отделаться молчанием ему, т. е. Ва[луеву], также нельзя. Но что бы он ни сделал, эта статья компрометирует его окончательно в общественном мнении России. Едва ли, однако, можно будет придираться к ее форме. Хорошо ли, благоразумно ли поступлено с моей стороны? Вы упускаете из виду, что это второе предостережение, данное в самый момент подписки, убивает материально газету. Она и без того понесла за нынешний год большие убытки, отчасти по новости дела, а главное по недоверию к прочности ее существования. Подписывались на год очень немногие, больше на короткие сроки, — некоторые вперед, подписываясь, делали оговорки на случай прекращения газеты. После же второго предостережения, как в первой половине года, так и теперь, подписка даже на короткие сроки прекращается. Пять предостережений, три месяца прекращения и постоянное ожидание 6-го предостережения³, от получения которого я ничем не застрахован, и все это в течение 10½ месяцев, — все это, в глазах публики, является таким систематическим преследованием, что возбуждает сожаление и сочувствие, в то же время подрывает у газеты значение прочной, установившейся силы: перестают обращаться к ней с предложениями

статей, корреспонденций, правильных сношений и т. д. Редактор же является каким-то жалким, забитым, его положение выходит трагикомическим. Из него надо выдти так или иначе. Если настоящая моя статья и погубит мою газету, то она значительно подорвет и самую систему предостережений и окажет несомненную пользу литературе. Я желаю, конечно, чтобы ей был дан самый обширный ход, для чего приняты мною уже некоторые меры. Посылаю вам два экземпляра. Думаю однако, что общее сочувствие будет на моей стороне. Очень бы нужно добиться, чтоб ее прочли в самых высших местах, и хотя косвенными путями там уже предупреждены об этой статье, и экземпляры этого № будут доставлены, но прочтут ли—это еще бог весть⁴. А это было бы всего нужнее. Может быть я ошибаюсь, но кажется впечатление от статьи в мою пользу. Впрочем там другая оптика и другая акустика. Приятнее было бы, конечно, для меня явиться защитником по поводу моей собственной статьи, а не Бабста⁵, и о другом предмете,—в статье есть некоторая тривиальность дурного тона, но делать нечего, я все же перед правительством ответственный редактор. Впрочем все здесь убеждены, что предостережение дано не за статью о тарифе, а за статью против Северной Почты⁶, к которой придраться было нельзя.

Не худо бы, кажется, пустить в оборот мысль о необходимости поступить по примеру прошлого года, т. е. к 1 Января снять со всех газет предостережения. Теперь их накопилось довольно: у Пб. ведомостей два, у Голоса одно, или два...

Надеюсь получать от вас подробные сведения о судьбах этой статьи, и желаю знать ваше собственное впечатление⁷. Полонский утром завез мне ваше письмо. Благодарю Вас. Статью, которой содержание Вы очерчиваете, я постараюсь написать, но она не будет иметь никакого практического результата. От кого его ждать? От В.? Но мало ли уж ему объясняли и доказывали,—он не способен убедиться. От высших? Но они даже не прочтут.

Анна поправляется, но медленно⁸. Все ее местные недуги прошли, кроме залегания носа и небольшой, остающейся еще опухоли в носу. Но она вообще слаба, а главные нервы ее очень расстроены. На будущей неделе доктор хочет ее выпустить на воздух, чего она с нетерпением жаждет. 2-ое предостережение не очень ее взволновало; в настоящем ее положении она даже улыбается перспективе моей совершенной свободы, поездке со мною вместе на Юг, и т. д. Бедная Анна! Этот снег, это серое бессолнечное небо, этот зимний холод ее тяготят невыразимо.

Прощайте, Федор Иванович. *Alea jacta est** кстати теперь сказать, как это ни пошло.

Крепко вас обнимаю и всех ваших.

Ваш Ив. Аксаков

28 ноября
1867 Москва.

¹ Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист, поэт, один из виднейших идеологов славянофильства.

² Предостережение, вызвавшее упоминаемую здесь статью Аксакова, появилось в № 187 выпускаемой им газеты «Москва» от 25 ноября 1867 г. и сформулировано было так: «Принимая в соображение, что предоставленное печати право обсуждения современных вопросов и выражения мнений о правительственных распоряжениях не может быть правом систематического оуждения действий правительства и возбуждения к нему недоверия и неуважения; что возбуждение таких чувств нередко составляет отличительный характер статей и корреспонденций, печатаемых в газете «Москва»; что таким именно характером отличается передовая статья в № 183 означенной газеты, в особенности в местах от слов: Удивительное время до слов: поэ-

* Жребий брошен.

мельного кредита, и от слов: Более неудобного времени до слов: и нужд народных; и что далее в той же самой статье, в месте от слов: когда повсеместно до слов: Германских фабриках, заключается направленное к возбуждению страстей и общественного неудовольствия сопоставление некоторых тарифных статей о привозимых из-за границы съестных припасах, очевидно не имею-щих никакого отношения к продовольственным нуждам рабочего населения, с превеличенным изображением этих нужд по случаю бывшего в некоторых губерниях неурожая; — Министр внутренних дел, на основании ст. 29, 31 и 32 высочайше утвержденного, 6 апреля 1865 года, мнения Государственного совета, и согласно заключению Совета Главного Управления по делам печати, определил: объявить второе предостережение газете. «Москва», в лице издателя-редактора надворного советника Ивана Аксакова». Отмеченные в предупреждении места инкриминируемой Аксакову статьи, написанной, как он ниже сообщает Тютчеву, Бабстом, заключают в себе следующий текст: «Удивительное время мы переживаем! Никто не в состоянии сказать — при чем он, где он и имеет ли возможность и право пользоваться своим трудом, своим капиталом! Никто не чувствует под собой твердой почвы. Колеблется кредит, потому что нет веры ни во что, ибо самые торжественные заявления, хотя бы напр. о водворении русского земледелия в Западном крае, — оказываются совершенной тщетою, как это можно видеть из отчета о последнем общем собрании Общества взаимного поземельного кредита». Дальше, собираясь говорить о только что открывшихся заседаниях комиссии по пересмотру тарифа, автор начинает с примера одного собрания на нижегородской ярмарке этого года, имевшего место сейчас же после обнародования докладной записки министра финансов. «Обнародование ее в то время, — пишет Бабст, — когда дела на этом всероссийском торжище шли дурно, когда расчеты были туги, когда приходили известия из Европы о состоянии хлопкового рынка самые печальные, когда политический горизонт был покрыт мрачными тучами и известия из средней Азии были еще менее успокоительны, — обнародование это поразило всех как громом. Более неудобного времени нельзя было выбрать, и нам весьма понятно, почему в одно из собраний задан был такой вопрос: «какой недруг мог решиться на подобного рода заявление? или люди намеренно желающие подорвать материальные средства нашего отечества, или люди решительно ничего не имеющие, люди совершенно чуждые интересам народа и — не во гнев будь сказано — совершенно незнающие нужд народных?» И дальше, опустив несколько абзацев: «Читая же известия о заседаниях [тарифной комиссии], мы не можем не сознаться, что самый отъявленный пессимист не мог бы придумать тех результатов, какие дали нам первые заседания комиссии... [следует ряд примеров]. Что же это такое? Неужели же комиссия собрана для того, чтобы заниматься праздными разговорами и проводить время в шутивых беседах и веселой болтовне? И в какое же время! Когда из Шуи пишут, что рабочие сидят без дела, не знают, чем заплатить подати и на что купить хлеба; когда из Вичуги и из Сев. Края известия приходят еще печальнее; когда повсеместно в центральной полосе недостает хлеба до декабря и народ повсеместно ищет заработков, ради насущного пропитания! Ей-богу не время облизываться при мысли о дешевых страсбургских пирогах, устрицах и консервах [в комиссии ставился вопрос о понижении заграничной пошлины на кофе, напитки, пикули, страсбургские пироги и т. п.] и вести прения о понижении пошлины с шампанского, фабрикуемого на Германских фабриках».

Еще до статьи 28 ноября, Аксаков поместил, в коротенькой передовой в следующем после предупреждения № 188 от 26 ноября, несколько слов предведомления читателям, в котором говорил, что «важность и торжественность нынешнего дня заставляя нас отложить до следующего № объяснение с Министерством внутренних дел и с читателями по личному нашему вопросу. Мы не можем не отозваться на новый, пятый по счету, знак внимания, явленный нам со стороны санктпетербургского литературного начальства, — и отзовемся»; а статью от 28 ноября (№ 189) он начинает так: «Дающая предостережения рука не оскудевает. Из непроницаемой выси «личного усмотрения», от щедрот поставленной над литературою власти ниспослано на нас, в течении 10½ месяцев, три предостережения, три месяца вынужденного молчания, и, по возобновлении «Москвы» с 1-го июля, — два предостережения снова. Такое внимание, такое «систематическое охуждение» (выражался языком пятого предостережения), затрудняя издание, нанося ему значительный ущерб имущественный и нравственный, не смутило бы, однако, нас в отправлении нашего редакторского долга, не побудило бы нас к напрасному ропоту или немошному отпору. Но на сей раз предостережение, данное нам, такого свойства, что мы не можем молчать, не должны молчать: молчание с нашей стороны было бы преступлением. Мы вполне сознаем опасность, которой подвергаем свою газету, но тем не менее мы обязаны перед собой, перед обществом, перед правительством, перед всей Россией, поднять голос в защиту нашей долгой общественной, всем ведомой, всем открытой, ныне оклеветанной деятельности. Со всею силой негодования оскорбленного чувства чести, мы громко, во всеуслышание, протестуем против несправедливого, оскорбитель-

ного обвинения. Мы оскорблены в нашем достоинстве гражданина, писателя, Русского. Предостережение обвиняет нас... Следует повторение слов предостережения, разбор их, опровержение и ответ на них в их последовательности; в одном месте между прочим говорится: «мы, правда, систематически отделяли понятие о правительстве от понятия об администрации.... Признавая неприкосновенность [верховного правительственного принципа], мы пользовались правом обсуждения во всей широте пределов, законом дозволенных. Эти пределы довольно просторны; они не обязывают нас относиться сочувственно к тому, что нам несочувственно, ни тем менее благовоить сердцем и словом перед всяким распоряжением администрации». Заканчивает Аксаков свою длинную возмущенную статью так: «Мы кончаем. Мы отнеслись, как видит предостерегающая власть, с полным вниманием к данному нам предостережению. Мы не остались равнодушными к нанесенному ею оскорблению нашей публичной чести... Мы не принимаем, не можем и не должны принять, — мы с негодованием отвергаем обвинение в «систематическом оуждении действий правительства и возбуждении недоверия к нему и неуважения. Конечно, не предупредению поколебать, говорим это с гордостью, доверие к нашему имени русского общества, приобретенное долголетнею публичною деятельностью, — но самая попытка заклеить наше имя подобным обвинением, исходящим не от суда, а от административной власти, на которую нет ни суда, ни апелляции, исполняет нас понятного негодования и дает законное основание нашему протесту. Говорим — законное, ибо такие обвинения, на основании формального закона, произносят только судом и подвергают обвиненного установленному наказанию. Мы готовы предстать суду; мы желаем суда.

Мы ответили на предостережение. Мы достаточно привели доказательств и доводов в защиту своей газеты, и будем спокойно ожидать решения ее участи от предостерегающей власти, — конечно довольно сильной, чтобы пренебречь всякими доводами и доказательствами, но, — мы обязаны полагать, — и довольно разумной, чтобы признать их справедливость и уважать наши законные требования».

Ссылка на административный разум Валуева оказалась напрасной, и через несколько дней, именно 2 декабря, «Москва» выпустила свой последний за этот год номер — № 193.

³ Предостережения «Москве» в 1867 г. были следующие: 20 января в № 16, за передовую статью в № 8, «исполненную резких суждений о существующих у нас отношениях между церковью и правительством» — первое предостережение; 23 февраля в № 44, за передовую статью в № 35, которая, «обсуждая распоряжения местной полиции... о мерах взъясания с содержателей гостиниц, за несоблюдение ими полицейских правил о прописке паспортов — называет эти меры вредными и произвольными и т. д.», — второе; третье предостережение и распоряжение о приостановке газеты на три месяца, датированное 26 марта 1867 г., было получено Аксаковым в среду 29 марта через полицейского пристава его участка, вероятно когда № 70 газеты за это число был уже отпечатан, и потому появилось на отдельном добавочном листке; оно было вызвано целым рядом статей, касающихся дел Прибалтийского края, а именно: передовых в № 57, 62, 63 и 64 и статьи, непосредственно следующей за передовой в № 65; все они признаны были возбуждающими вражду в одной части населения против другой. По возобновлении газеты 1 июля номером 72-м, в котором Аксаков благодарил подписчиков за оказанное ему доверие во время постигшей его газеты кары, — в № 79 от 9 июля, воскресенье, объявлялось первое (четвертое) предостережение за означенную передовую статью «по поводу выпуска ее после трехмесячного приостановления на основании правительственного распоряжения», в которой «оказано неуважение к этому распоряжению, а равно и к закону, в силу которого оно последовало», и мн. др. О следующем, втором (пятом) предостережении сказано в примечании 2; после него «Москва» была закрыта на 4 месяца и, возобновленная 3 апреля 1868 г., среда. № 1, уже 11 апреля (напечатано 14 апреля в № 11) вызвала первое предостережение за передовую статью в № 1, в которой Аксаков, по примеру прошлого года, отвечал на административное распоряжение; в этот 4-месячный промежуток времени Аксаков пытался продолжать издание своей газеты под измененным названием «Москвич», но ее вышло только 38 номеров, и она также была закрыта. Ни за этим изданием, ни за «Москвой» в дальнейшем ее существовании мы уже следить не будем, потому что они выходят из рамок содержания интересующего нас здесь письма Аксакова.

⁴ Под «самыми высшими местами» Аксаков разумел, надо полагать, царскую семью, а под «косвенными путями» — прежних придворных знакомых жены своей Анны Федоровны, которые вероятно подробно осведомлялись ею обо всем ходе дела с «Москвой».

⁵ Бабст, Иван Кондратьевич (1824—1881) — экономист и историк, с 1857 г. — преемник проф. И. В. Вернадского по кафедре политической экономии в Московском университете, где он и продолжал читать до 1874 г. Бабсту принадлежат труды:

«Публичные лекции политической экономии» (1867), «Изложение начал народного хозяйства» (1872) и ряд статей в «Русских Ведомостях», «Русском Вестнике», «Атенее»; в «Вестнике Промышленности» он вел весь отдел «Обзор промышленности и торговли в России» и был соредактором с Ф. И. Чижовым как этого журнала, так и еженедельной газеты «Акционер»; с 1864 по 1868 г. Бабст был директором Лазаревского института восточных языков. О статье Бабста, упоминаемой в письме — см. прим. 2.

⁶ «Северная Почта» была ежедневной правительственной газетой-официозом, издававшимся Министерством внутренних дел с 1862 по 1868 г., т. е. как раз во время министерства Валуева. Упоминаемая Аксаковым статья «против Северной Почты» — вероятно его статья в № 179 «Москвы» от 14 ноября, вторник, касающаяся дел Прибалтийского края, по поводу которых правительственный орган дал свои разъяснения; разбору статьи «Северной Почты» и посвящена статья Аксакова.

Ф. И. ТЮТЧЕВ И Е. Е. КОМАРОВСКИЙ

Карикатура П. Фредро

Музей им. Тютчева, Мураново

⁷ Ответил ли Тютчев Аксакову на это письмо — мы не знаем, но вот что, например, писал он жене 6 июля 1867 г. по поводу вызвавшей первое предостережение после приостановки газеты на 3 месяца статьи Аксакова: «Аксаков, как я и предчувствовал, уже получил предостережение за свою первую статью. Есть что-то ребяческое в упорстве в этой невозможной борьбе против грубой силы и в намерении повалить стену вместо того, чтобы, сделав несколько шагов в сторону, обойти ее». По другому случаю, в письме от 17 августа того же года: «Здесь я застал власти очень раздраженными против Аксакова по поводу одной из его последних статей, и если ему удастся избежать второго предостережения, то он, конечно, будет этим обязан мне. У него необыкновенная способность возбуждать против себя самые досадные предубеждения». О ноябрьской статье Аксакова никаких отзывов Тютчева нет, потому что в это время Эрнестина Федоровна была в Петербурге и письма Тютчева к ней прекратились.

⁸ Анна — жена Аксакова, Анна Федоровна Аксакова (1829—1889), дочь Тютчева от его первого брака с Э. Ф. Петерсон.

9. ПИСЬМО ГЕРЦОГА Н. М. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОГО ¹

Многоуважаемый Федор Иванович,

Надежда Сергеевна² поручила мне написать вам, что она просит вас не передавать никому того разговора, который имела с вами по поводу действий г-на Акинфова. Это только может повредить нашим интересам, чего вы конечно не желаете.

Я буду вам благодарен если вы разорвете или лучше сожжете эти строки.

Герцог Н. Лейхтенбергский

¹ Николай Максимилианович Лейхтенбергский (1843—1890) был известен Тютчеву, как один из героев шумного великосветского романа, развернувшегося в Петербурге в конце 60-х годов, о котором см. в следующем примечании.

² Акинфова, Надежда Сергеевна (1839—1891), играла довольно видную роль в петербургских дипломатических кругах той эпохи. По словам Тютчева «она вертела, как хотела, дипломатическим клубком». Разойдясь со своим первым мужем В. Н. Акинфовым (ум. в 1900-х гг.), она готовилась стать женою канцлера А. М. Горчакова, которому приходилась внучатой племянницей. «Никогда еще не совершался более глупый поступок с меньшим увлечением», писал по этому поводу Тютчев жене 8 октября 1867 г. («Старина и Новизна», кн. 21); но — «будущая супруга канцлера все еще не вполне решилась стать ею и ждет для принятия окончательного решения приезда некоего герцога» (там-же), т. е. Н. М. Лейхтенбергского. Однако приезд последнего только запутал и осложнил дело. Следя за развитием романа и всеми перипетиями его, являясь поверенным всех действующих лиц, Тютчев 19 октября 1867 г. пишет жене: «Грустный роман бедного канцлера с его внучатой племянницей близится к развязке благодаря скорому приезду герцога Лейхтенбергского. Вот три человека, затеявшие без всякого убеждения глупость, которую все одинаково тяготятся» (там-же); 5 июня 1868 г.: г-жа Акинфова «все еще здесь [т. е. в доме кн. Горчакова], пребывая с беспечностью дикаря в таком положении, которое должно привести к катастрофе. Во всяком случае кризис недалек, потому что в конце недели ожидается приезд сюда в. кн. Марии Николаевны с сыном. Я очень опасаясь, что мой бедный князь окажется запятанным всем тем, что произойдет» («Старина и Новизна», кн. 22); 12 июля 1868 г.: «В. кн. Мария Николаевна приехала со своим сыном, и уверяют, что это она теперь настаивает на свадьбе. Потому есть вероятие, что дело близится к концу» (там-же). Мы не знаем точно, когда состоялся развод Акинфовой с ее первым мужем и брак с герцогом Лейхтенбергским; дальнейшие сведения об ней в письмах Тютчева прекращаются, а из письма Лейхтенбергского можно заключить лишь о том, что Акинфов ставил повидимому какие-то препятствия к разводу, стараясь вероятно выторговать себе возможно большую сумму отступного; в дальнейшем известно только, что в 1878 г. Акинфова получила титул графини Богарне и что Лейхтенбергский тогда же уехал с нею за границу.